ПОЛІС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. А. Галкин

Общественно-политические последствия социального неравенства

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Galkin_Obschestvenno.pdf

Перепечатка с сайта Института социологии РАН http://www.isras.ru/

URL:http://www.civisbook.ru

А.А. Галкин

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА*

Влияние социальной дифференциации на общественное развитие в решающей степени зависит от ее специфики. Бывает дифференциация исторически сложившаяся, прочно зафиксированная в общественном сознании, воспринимаемая им как нечто, если не естественное, то, по меньшей мере, приемлемое. Такой вид дифференциации в его наиболее крайних формах проявлялся в кастовых и рабовладельческих, а затем сословных обществах. Пережитки этих форм в том или ином проявлении встречаются и в наше время. Доминирующим для этого вида социальной дифференциации является юридическое и политическое неравенство.

С развитием капиталистических отношений подобное неравенство стало уступать место неравенству экономическому. Его укоренение в общественном сознании было не столь прочным. Поэтому оно с самого начала сталкивалось с различными формами неприятия и, в отличие от дифференциации первого типа, вызывало не спорадическое, но повсеместное, в ряде случаев мощное сопротивление.

Разумеется, рассматривая проблему чисто исторически, есть основания говорить об общественных (в том числе политических) последствиях докапиталистической социальной дифференциации (межкастовые столкновения, восстания рабов, антифеодальные революции). Однако, для нашего анализа гораздо важнее уделить основное внимание воздействию на общественное развитие экономического неравенства — весьма распространенного ныне источника конфликтов, трагедий и глубоких потрясений.

Переходя к рассмотрению этого феномена, нетрудно, однако, установить, что и он, в свою очередь, не монолитен. Существуют социальные различия между государствами, а также между членами одного и того же национального сообщества. Есть страны, в которых социальная дифференциация не очень отличается от той, которая обусловлена объективными причинами (природными условиями, уровнем экономического развития, спецификой менталитета, естественными различиями между индивидами) и поэтому воспринимается как обо-

* Статья основана на результатах исследования, проводимого автором совместно с Ю.А. Красиным (Исследовательский грант РГНФ 04 03 — 57а)

снованная. Вместе с тем, гораздо чаще встречается ситуация, когда социальная дифференциация достигает таких масштабов, что не поддается сколько-нибудь рациональному оправданию.

Немалую роль играют источники социальной дифференциации. В одних случаях они выступают как оправданные и способствующие общему благу, а, следовательно, импонируют массовому общественному сознанию, в других, — нет. Различна степень привыкания этого сознания к тем или иным формам имущественного неравенства: если оно как бы освящено временем, — возникает одна реакция, если появляется внезапно, спонтанно, — другая.

Тип восприятия социальной дифференциации во многом зависит от того, в какой форме она реализуется и преподносится обществу. Если имущие классы стараются не подчеркивать разрыв в условиях существования, обусловленный материальными различиями, намеренно не афишируют связанные с ними возможности, ощущение несправедливости чрезмерного социального неравенства, обычно в той или иной форме присутствующее в любом обществе, ослабевает. И наоборот, демонстративное подчеркивание таких возможностей привлекает к ним особое внимание, вызывая у менее имущих раздражение, озлобление, стимулируя протестные действия.

Многое зависит от того, как подаются социальные различия обществу, в первую очередь средствами массовых коммуникаций. Умелая трактовка этих различий может смягчить вызываемое ими раздражение, неумелая, а иногда и нарочито провоцирующая, — возвести его в степень.

На общественные (в том числе политические) позиции индивидов, социальных групп и конкретных стран социальная дифференциация воздействует по различным каналам. В одних случаях, — формируя общественное сознание, укрепляя или преобразуя доминирующие в нем ценности, установки и предпочтения. В других, — непосредственно модифицируя социальное поведение индивидов и социальных групп. В третьих, — прямо сказываясь на политическом (в том числе электоральном) поведении граждан. В четвертых, — стимулируя теоретическое осмысление проблемы и его идеологическое отображение.

Из изложенного выше со всей очевидностью следует, что рассматривать влияние социальной дифференциации на ситуацию и ее возможные последствия можно только имея в виду конкретное общество или группу обществ, обладающих сходными характеристиками.

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ

Рассмотрим, исходя из изложенных позиций, обстановку, сложившуюся и складывающую в России.

В экономическом и социальном отношениях страна оказалась отброшенной к начальной фазе капиталистического накопления и раннего индустриализма. И хотя она по ряду важных параметров существенно отличается от государств, переживавших эту стадию в XIX веке (например, от Англии времен первой промышленной революции), многие задачи, которые предстоит решать российскому обществу, имеют крайне мало общего с теми, перед которыми стоят ныне промышленно развитые страны Западной Европы и даже многие государства среднего уровня развития.

Социальные результаты экономической политики, проводимой в 90-е гг. прошлого века, выглядели следующим образом. За сравнительно короткое время в стране произошла резкая дифференциация населения по основным показателям, определяющим уровень жизни граждан. Эта дифференциация реализовалась двояко: с одной стороны, в зависимости от места проживания и, с другой, — от доступа к источникам власти и денежных ресурсов. Темпы ее были настолько велики, что к началу нового века она уже была больше, чем в любой из стран на европейском континенте и даже во многих государствах среднего и даже низкого уровня экономического развития. Согласно официальным данным, соотношение доходов 10% наиболее состоятельного и 10% наименее состоятельного населения составляет, примерно, 1:15. Неофициальные подсчеты дают большие соотношения. Но даже соотношение 1:15 представляет собой, согласно международным нормам, крайне опасный показатель.

Очень велика социальная дифференциация различных российских регионов. Об этом можно судить на основании следующих данных. По уровню доходов на душу населения первое место в России занимает Москва. Отставание по этому показателю других регионов России колеблется в диапазоне 4-10 раз. Еще больше различия между наиболее благополучными и депрессивными регионами. Соотношение объемов валового национального продукта на душу населения в Ямало-Ненецкой автономной области и в республике Ингушетия составляет 36, бюджетных доходов на душу населения — 178, бюджетных расходов на душу населения — 22,5 и т.д.

Не менее разительна дифференциация по социальной вертикали. Существует ряд расчетов, описывающих эту вертикаль, как официальных, так и неофициальных. Они отличаются друг от друга методикой и, соответственно, цифровыми показателями. Однако общие контуры рисуемой ими картины в основном совпадают. По данным Госкомстата, в

середине 90-х годов доходы ниже исчисляемого прожиточного минимума получали 36,6 млн. человек (25% от общей численности населения). Сейчас, в начале XXI в., официально приводятся более низкие показатели. Однако, по мнению ряда исследователей, реальные масштабы бедности в России более чем в полтора раза превышают официальные.

Существует ряд сфер, в которых различия в уровнях получаемой заработной платы достигают прямо-таки умопомрачительных масштабов. Зафиксирован ряд предприятий, на которых соотношение заработной платы квалифицированных рабочих и руководства составляет 1:100. Недопустимо велико и соотношение заработной платы высококвалифицированного научного работника в системе Академии наук (профессора, доктора наук) и руководящих сотрудников федерального правительства.

Разумеется, статистика, тем более российская, не в состоянии учесть все поступления, составляющие доход личности. В хаотических условиях, характерных для состояния экономики России в 90-х гг., существовали, как и существуют ныне, многочисленные легальные и нелегальные возможности дополнительного заработка. Это и розничная (мелкооптовая) торговля товарами, лично доставленными из-за рубежа (так называемые челночные операции), и широко практикуемое совместительство, нерегистрируемое официально, и сдача в наем по повышенным ставкам частного и муниципального жилья, и нелегальная производственная деятельность, и занятие преступным бизнесом.

Все это смягчает последствия имущественной дифференциации. В том же направлении на протяжении ряда лет действовала частично сохранившаяся система социального перераспределения. О ее роли можно судить по следующим показателям. При снижении объемов материального производства почти в два раза конечные расходы государственных учреждений на социальную поддержку граждан сократились, по состоянию на середину 90-х гг. г., на 4-6%. Теперь, правда, в результате сокращения объема социального перераспределения этому в значительной мере положен конец. Во всяком случае, даже при существенной корректировке данных о доходах, острота сложившейся ситуации не вызывает сомнений.

Описанная выше социальная дифференциация воспринимается большинством граждан России особо болезненно, во-первых, потому, что богатства тех, кто образует наиболее состоятельную часть общества, как правило, приобретено заведомо незаконным (или квазизаконным) путем, в результате присвоения принадлежавшей государству собственности (так называемая «прихватизация»), и, во-вторых, потому, что в предшествующие ей годы в обществе сложилось устойчивое негативное отношение к чрезмерному богатству и привилегиям, воспринимаемым как нечто заведомо несправедливое (негативное

отношение к привилегиям и к элитарному потреблению было одной из наиболее значимых причин решительного отчуждения общества от власти в советские времена, а ведь тогда разрыв в уровнях потребления был гораздо меньше).

Подобные настроения в значительной степени подогреваются поведением разбогатевшей в последние годы части общества, ее стремлением, следуя своим представлениям о «шикарной жизни», неумеренно наращивать элитарное потребление, поражая тем самым воображение окружающих (возведение пригородных дворцов, приобретение дорогой собственности на престижных мировых курортах, безудержные траты на личные нужды, покупка зарубежных футбольных клубов и т.д.). Тем самым распространенное представление, что крупная собственность в России — это, говоря словами Прудона, кража, а ее демонстративное транжирство — это кража в квадрате, получает дополнительное подтверждение.

На это представление активно работают и явно симпатизирующие зажиточным верхам электронные средства массовой информации, провоцирующие общественность, то и дело публикуя красочные картинки из жизни «высшего общества», демонстрируя его дорогостоящие «светские забавы» — умопомрачительные банкеты, фешенебельные курорты, «швыряние деньгами» в казино и в ночных клубах.

Имущественная дифференциация повлекла за собой глубокое социально-психологическое расслоение российского общества. Соотношение сложившихся групп на протяжении истекшего десятилетия в деталях менялось — в зависимости от тех или иных конъюнктурных обстоятельств. Однако в целом оно осталось более или менее устойчивым. На первых порах даже у части граждан, скептически оценивавших проводившуюся политику и ее социальные последствия, теплились надежды на то, что, в конечном итоге, ее результаты могут оказаться приемлемыми. Отражением их надежд был уровень доверия президенту и правительству — более высокий, чем это можно было предположить, ориентируясь лишь на показатели оценки населением перспектив жизни. Такие настроения частично сохраняются поныне, хотя и не в столь выраженной форме, как прежде.

При этом, однако, сохраняющаяся, а, в ряде случаев, и возрастающая социальная дифференциация порождает и закрепляет установки, которые становятся (а частично уже стали) стержнем массового сознания. К числу наиболее существенных относятся:

— устойчивое убеждение, что сложившаяся в стране политическая система отражает интересы исключительно богатой части общества и полностью игнорирует потребности и запросы менее зажиточного большинства, и, что, следовательно, любые исходящие от нее импульсы несут этому большинству потери;

— представление, что крупная собственность, появившаяся в стране в 90-е гг. прошлого века (прежде всего попавшая в руки так называемых олигархов) результат махинаций, нанесших неисчислимый урон обществу и государству;
— опасение, что в сложившихся условиях не приходится рассчитывать на создание (или хотя бы частичное восстановление) в стране такой системы социальных амортизаторов, которая позволит каждому члену общества рассчитывать на то, что компенсацией за его позитивный трудовой вклад в общее дело ему будут гарантированы приемлемые условия существования на всех этапах жизни;
— понимание того, что шансы простого гражданина на вертикальную социальную мобильность, несмотря на все его усилия, при нынешних обстоятельствах минимальны и речь может идти лишь о примитивном выживании;
— представление, что в обществе, в основе которого лежит совокупность правонарушений, право не может считаться регулятором взаимоотношений между гражданами, и поэтому с ним можно не считаться.

Этим в значительной степени определяется и социальное поведение многих граждан. У их более образованной и деятельной части весьма распространенным становится стремление, получив соответствующую подготовку, найти применение своим силам за рубежом. Менее образованная, но деятельная часть ориентируется на поиски источников существования — более привлекательные, чем те, которые могут быть предложены официально. Это нередко сталкивает их в теневую, а то и криминальную сферу. Другие либо доживают свой век, либо влачат существование, стимулируя его различного рода допингами. О распространении подобной формы социального поведения убедительно свидетельствует статистика правонарушений и преступлений, а также угрожающая динамика алкоголизма и наркомании.

Разумеется, существует немало граждан, на которых не распространяются подобные характеристики. Однако описанные выше тенденции не только наметились, но все более очевидно прокладывают себе дорогу.

ОТНОШЕНИЕ К ВЛАСТИ

Все это, естественно, не может не сказаться на политической ситуации. Общепризнанно, что решающую предпосылку более или менее нормального функционирования общественной системы образует та-

кое состояние массового сознания, при котором институтам политической власти и руководящим ими лицам делегируется определенная сумма полномочий, позволяющая реализовать властные функции. В этом случае общество, или, по меньшей мере, его наиболее влиятельная часть, признает право институтов власти принимать обязательные решения, осуществлять различные, в том числе, принудительные действия, необходимые для их реализации, и, соответственно, проявляет готовность подчиняться этим решениям. На этом основываются такие феномены политического процесса как легитимность (нелегитимность) политической системы (режима), согласие (несогласие), подчинение (неподчинение), законопослушание (аномия) и т.д.

Если сумма общественного доверия превышает необходимый минимум, система институтов, обеспечивающая действенность государственной машины, может осуществлять свои функции. Если доверие падает ниже критического уровня, при котором начинает доминировать *недоверие,* механизмы общественного управления и регулирования пробуксовывают, их способность принимать действенные управленческие решения минимизируется. Сокращение доверия властным структурам проявляется, прежде всего, в нарастании активного неприятия сначала правящей политической силы, затем — режима и, в конечном итоге, власти в целом. В первом случае возникает правительственный, во втором — политический, в третьем — государственный кризис.

Поскольку неприемлемая для большинства населения социальная дифференциация явилась следствием политики, проводимой на протяжении многих лет правящей элитой и демонстративно оправдывается ею, ее неизбежным следствием становится возрастающее отчуждение граждан от власти. Поскольку, однако, этот процесс противоречив и связан с преодолением инерции доверия, происходит он далеко неравномерно: по отношению к одним политическим институтам быстрее, по отношению к другим — медленнее. В России отчуждение сказалось, в первую очередь, на отношении к представительным органам, правительству и средствам массовой информации. На рейтинге президента оно пока сказалось в меньшей степени, хотя некоторые признаки уже налицо.

Конечно, новейшие средства коммуникации открывают перед властными структурами дополнительные возможности психологического давления на общество и отдельных индивидов в нужном для власти направлении, в частности для минимизации отчуждения от власти. Вместе с тем, нельзя не учитывать и того, что по мере повышения образовательного и культурного уровня населения, растущей доступности информации, поступающей по различным каналам, углубляющейся плюралистичности общественной жизни, возрастает и степень сопротивляемости индивидов и общественных объединений попыткам

искусственно навязать им угодные верхам позиции и взгляды. Поэтому последствия применения новейших информационных технологий двойственны и порой приводят не к увеличению, а даже к ослаблению восприимчивости общества к импульсам, поступающим сверху. Стоит только власти нарушить пределы, воспринимаемые обществом как необходимые и справедливые (в том числе, в сфере социальной дифференциации), тут же возникают болезненные процессы.

Длительное время в наших научных и политических кругах доминировало представление, будто возможны лишь два крайних варианта негативной реакции общества на неоправданно высокую социальную дифференциацию: подчинение или социальный бунт. Отсюда и два вида прогностических ожиданий: ориентация на утверждение навязанного обществу согласия, в одном случае, и на глубокие общественные потрясения, в другом.

Известно, однако, что применительно к России ни то, ни другое ожидания пока не оправдались. Почему?

Рассмотрим, прежде всего, причины несостоятельности ставки на общественное примирение. В ее основе лежит представление (искреннее или лицемерное — в данном случае не так уж и важно), что социальная и экономическая политика, проводившаяся на протяжении 90-х гг. XX века и в своих основных чертах сохранившаяся поныне, приведет к адаптации к новым условиям значительной части, если не большинства, населения. При этом под адаптацией понимается способность одной части граждан извлекать выгоды из видоизменившейся общественно-экономической ситуации (бенефицианты либеральных реформ) и готовность другой их части принять как неизбежное связанное с этим понижение своего социального статуса и уровня жизни и смириться с ним. Вскоре, однако, выяснилось, что перемены, принося выгоды лишь незначительному меньшинству общества, не сплачивают, а, напротив, раскалывают его. Тогда для спасения ставки на адаптацию было предложено следующее объяснение: всему виной недостаточная зрелость российского населения и обусловленное этим искаженное восприятие им происходящего.

Система аргументов, призванных подтвердить эту точку зрения, будучи научно оформленной, выглядела примерно следующим образом. Устойчивые перемены в социально-политическом сознании, принятие новых норм и институтов обычно происходит от поколения к поколению. Соответственно, всеохватывающие преобразования политических институтов протекают в генерационном времени. Первичной единицей его масштаба являются не годы, но периоды жизни поколений. Это в особой степени относится к России, где массовое сознание, сформированное в течение семи десятилетий (время активной жизни трех поколений) господства государственного социализма, в том чис-

ле, устоявшаяся привычка к обслуживающим его институтам, были особенно прочными. Поэтому в российских условиях освоение новых реалий идет медленнее и труднее, чем в других трансформирующихся странах. Для того, чтобы такое освоение стало уделом большинства населения, потребуется даже в лучшем случае время смены двух поколений, т.е. не меньше 20-30 лет[1].

Своего рода аксиомой для этого утверждения служит тезис, согласно которому перемены в стране, в том числе, в социально-экономической сфере, и, не в последнюю очередь, выходящая за нормальные рамки социальная дифференциация, представляют собой прямое движение от дурного к хорошему. В соответствии с этим и должно — пусть медленно, но верно — меняться общественное сознание: на смену отрицанию проводимой политики прийти ее принятие. В действительности же социально-экономические перемены, в той форме, в какой они осуществляются, лишь провоцируют отторжение массовым сознанием тех ценностей, которыми обосновывались и сопровождались перемены. Приходится ли удивляться, что в последнее время даже многие из тех, кто верил (или делал вид, что верит) в повсеместную адаптацию к сложившейся ситуации, в своих оценках все чаще исходят из признания устойчивого глубокого раскола, который характерен для современного российского общества.

Однако плохими прогнозистами оказались и те, кто, оценивая ситуацию, складывающуюся в России, исходил из неизбежности скорого социального взрыва. Основная причина несостоятельности их анализа перспектив общественного развития страны — игнорирование ряда других существенных факторов, влияющих на динамику массового политического сознания и, соответственно, поведения, в том числе, инерция политического доверия, о которой упоминалось выше.

Негативное воздействие на качество прогностических оценок, ориентированных на скорый социальный взрыв, оказало также и крайне упрощенное представление, будто размывание доверия к властным структурам неизбежно влечет за собой немедленные неконвенциональные политические акции.

В действительности же политические последствия падения доверия к власти далеко не однозначны. Само по себе оно еще не рождает политической активности. Первоначально это падение вызывает, скорее, персональное отчуждение от политики. Затем нарастает социальное раздражение, которое сопровождается настроением уныния, предчувствием близящейся катастрофы. Одновременно происходит своего

[1] См. *Л. Гордон, Э. Клопов*. Социальный контекст процессов политической институализации в современном российском обществе // Политическая институализация российского общества. М., 1997. С. 17-18.

рода замещение объекта недовольства. При этом социальное раздражение нередко сублимируется в повышенную агрессивность, направленную не столько на властные структуры, сколько на искусственно сконструированный образ «врага», олицетворяемого, чаще всего, той или иной этнической группой. И только при далеко зашедшем размывании политического капитала возникает феномен всеобщего отчуждения, а затем и откровенно враждебного отношения к властным структурам, при котором большинство населения с нескрываемым злорадством следит за конвульсиями власти.

Для того чтобы эта многоступенчатая эскалация общественного недовольства вылилась в те или иные виды более или менее осознанного общественного протеста, сопровождаемого решительными активными действиями, необходимы не только высокий уровень общей социальной напряженности, но и глубокая личностная идентификация большого количества людей со своими социальными общностями.

К началу нового века социальное недовольство еще не приблизилось к критическому уровню. Отсутствовала и четко выраженная идентификационная кристаллизация общества. Социальное недовольство и даже напряженность длительное время сохраняли локальный характер, тем более что материальные лишения и задавленность житейскими заботами порождали усталость, отвлекали духовные и физические силы на адаптацию к нелегкой экономической ситуации.

Между тем отсутствие острой реакции общества на усиливающиеся тяготы, вызванные экономической и социальной политикой власти, сыграло с правящими кругами злую шутку. Оно укрепило у них убеждение, что, несмотря на растущее недовольство, основная масса населения готова безропотно терпеть проводимые над ним эксперименты. В подтверждение этого обманчивого убеждения обычно приводился широко распространенный тезис об особой, исторически обусловленной терпеливости русского народа. В результате правящей элитой упущены первые признаки начавшегося крупного сдвига в общественном сознании и политическом поведении массовых групп российского населения.

В политической сфере его проявлением стали падающий интерес к выборам, как форме значимого народного волеизъявления, растущая дезориентация значительной части электората, готового без видимой причины менять свои политические предпочтения, следуя за очередным, нередко случайным фаворитом, и устойчивый характер массового абстентизма.

Поскольку политика, «крышевавшая» либеральные реформы и курс на социальную дифференциацию, обычно подавалась как демократическая, ее результаты сказались на отношении значительной части населения к демократии и демократическому общественному уст-

ройству. Конечно, разочарование в политическом режиме нельзя отождествлять с решительным поворотом от демократии к авторитаризму. Тем не менее, вера российских граждан в моральные основы демократии, эффективность демократических институтов, несомненно, серьезно поколеблена. Соответственно, возрос интерес к авторитарным формам правления. И он уже находит соответствующее идеологическое обоснование.

Возможна ли минимизация крайне негативных последствий социальной дифференциации? Опыт, накопленный другими странами, столкнувшимися в свое время с аналогичными явлениями, позволяет ответить на этот вопрос положительно. Но для того, чтобы получить желаемый результат, необходима продуманная и взвешенная социальная политика. Она может варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств. Однако при всем этом ей надлежит содержать следующие основополагающие установки.

— Разрыв в уровнях жизни наиболее и наименее состоятельных групп населения не должен выходить за пределы соотношения пять-семь к одному;
— Оплата наемной рабочей силы не может быть ниже расходов на ее воспроизводство;
— Социально уязвимым группам населения следует гарантировать источники существования, полностью обеспечивающие прожиточный минимум;
— Всем гражданам должны быть обеспечены равные стартовые условия, предполагающие, в частности, равное право на получение медицинских услуг и образования.

Для обеспечения этого необходима государственно регулируемая система перераспределения общественного продукта. Она должна быть взвешенной и рациональной, чтобы не зарезать «курицу, несущую золотые яйца», но, вместе с тем, достаточно объемной, чтобы обеспечивать реальное сближение условий существования различных слоев населения, вне зависимости от их места в системе общественного производства и территории проживания. В России это предполагает сближение уровней жизни в центре (мегаполисах) и в регионах, в том числе, пока отстающих в экономическом развитии. Практика убедительно свидетельствует, что это не расточительность, как утверждают радикал-либералы, а весомый вклад в народное хозяйство, ибо экономия на социальных вложениях в конечном итоге влечет за собой огромные потери. Дополнительную роль в проведении рациональной социальной политики может сыграть стимулирование создания и деятельности влиятельных общественных благотворительных организаций типа «Харитас» в Германии и в ряде других европейских стран,

которые взяли бы на себя заботу о неимущих слоях населения в области медицинского обслуживания и социальной реабилитации.

Важным элементом рациональной социальной политики является, как показывает опыт, разумное поведение состоятельной части общества. Оно предполагает осознанный отказ от вызывающей публичной демонстрации своих материальных возможностей, способной вызвать лишь раздражение у других, менее состоятельных граждан, подчеркнутый демократизм поведения. Необходимы также коррективы в информационной стратегии средств массовой информации, прежде всего электронных.

К сожалению, у нас во властных структурах до сих пор отсутствуют и понимание негативного воздействия чрезмерной социальной дифференциации на состояние общества, и, что не менее важно, жизненной необходимости целеустремленной социальной политики, способной предотвратить наихудший из возможных вариантов развития. И изменить эту ситуацию в состоянии лишь включение в процесс принятия политических решений публичной сферы — институционализированного общественного форума, на котором члены общества, обсуждая представляющие интерес вопросы, получают возможность создавать условия для их реализации на практике.